

Глава 17: Вот оно что!

Утреннее совещание, которое я вел, проходило в батальонном штабе на высоте — в той самой комнате, где я впервые доложил капитану о своём прибытии. Тогда помещение казалось тесным, но теперь, когда здесь собралось человек десять, оно почему-то не ощущалось переполненным.

Среди участников совещания только Пастухов носил звание капитана, остальные офицеры, включая меня, были лейтенантами или младшими лейтенантами. Если бы сюда вошёл кто-то посторонний, он наверняка принял бы Пастухова за главного командира.

Темой обсуждения было строительство оборонительных укреплений на высоте. Перед началом совещания один из лейтенантов из роты морпехов осторожно спросил, можно ли курить. Я, не задумываясь, кивнул. И тут же, вслед за ним, другие участники начали доставать сигареты. Не прошло и пяти минут, как маленький блиндаж окутался густым дымом, от которого я закашлялся. Но поскольку я сам разрешил курить, пришлось молча терпеть, словно проглотив горькую пилюлю.

Несколько опытных офицеров, включая Пастухова, подсчитывали, сколько нужно стали, балок, труб, цемента и рабочих рук для новых укреплений. Итог был удручающим: в нынешних условиях многие заводы остановлены, и даже треть необходимых материалов раздобыть невозможно. К тому же для строительства требовалось четыре-пять сотен квалифицированных рабочих, а на высоте у нас было меньше трёхсот человек.

Я не мог вставить ни слова в их обсуждение, поэтому благоразумно молчал. Как старший по званию, я понимал, что моя задача — дождаться их выводов и принять окончательное решение.

На середине совещания зазвонил телефон. В блиндаже мгновенно наступила тишина. Пастухов схватил трубку и громко представился:

– Алло, капитан Пастухов слушает.

Я стоял рядом и ясно слышал голос в трубке:

– Товарищ капитан, сержант Лужков с передового наблюдательного поста докладывает: немецкая часть с белым флагом движется к нашим позициям.

– Что?! – капитан, ошеломлённый новостью, вскочил со стула и заорал в трубку: – Сержант, ты понимаешь, что говоришь? Это невозможно!

Выкрикнув это, он рухнул обратно на стул, помолчал мгновение и уже безапелляционно

бросил:

– Чушь! Либо ты ошибся, либо шпионы подсунули тебе эту байку!

Я слышал ответ сержанта и сам был поражен и озадачен: что затевают немцы внизу? Да, мы не раз отбивали их атаки, но сейчас они всё ещё превосходят нас в технике и численности. Какая часть сдаётся слабейшему противнику? Это нелогично. Если бы хотели склонить нас к сдаче, хватило бы двух парламентариев, а не целого отряда. Такая демонстрация слишком уж громкая — любой, кто задумал бы сдаться, струхнул бы и отступил.

Я прервал капитана, который собирался что-то добавить, взял трубку и спокойно сказал:

– Лейтенант Осянина. Повторите, что вы видели.

Как учил председатель Мао: без расследования нет права голоса. Не разобравшись в ситуации, я не стану раздавать приказы.

– Товарищ лейтенант, – голос сержанта дрожал, видно, капитан его напугал, – Отряд немцев с белым флагом идёт к нашим позициям.

– Сколько их? Какое вооружение? Где они сейчас? – спросил я, сохраняя ровный тон.

– Человек сорок, без оружия. Подошли на пятьдесят метров к передовой и остановились. Дальше не идут.

– Поняла, – ответил я. Теперь ясно: они ни сдаются, ни уговаривать нас не собираются. У них другая цель. – Товарищ сержант, продолжайте наблюдение, я сейчас буду.

Я положил трубку, встал и с лёгкой насмешкой сказал офицерам:

– Товарищи, на передовой занятное дело: толпа немцев с белым флагом заявила к нашим позициям. Стоят в пятидесяти метрах и ждут, пока мы их «проинспектируем». Пойдём, выясним, что им нужно.

Услышав новость, все в комнате на миг замерли, а затем разразились громким хохотом. Я надел каску и бросил:

– Выдвигаемся.

Эти слова подействовали как сигнал к атаке. Мгновенно все — и те, кто толпился в блиндаже, и те, кто сидел на скамьях, — ринулись к выходу.

Через несколько минут мы были на передовой. Я сразу заметил отряд немцев, стоявший неподалёку: сорок человек, выстроенных в четыре ровные шеренги по десять. Кто-то рядом шёпотом заметил:

– Эти немецкие гады — просто идеальная мишень. Даже обычный боец, не снайпер, уложил бы их с десяток.

Я нахмурился, повернувшись к говорившему.

«Ну и бестолочь же ты», — подумал я. — «Хоть они и враги, но пришли с белым флагом. Стрелять по ним — позор». Увидев мой суровый взгляд, он прикусил язык.

Немцы стояли так близко, что и без бинокля было видно: оружия у них нет. Я собрался выбраться из траншеи, но капитан схватил меня за руку и предостерёг:

– Товарищ лейтенант, осторожно. Вдруг это их хитрость?

Хитрость? Я посмотрел на немцев — ничего подозрительного. Если бы они хотели выманить наших командиров и накрыть их артиллерией, использовать столько солдат в качестве приманки было бы слишком нелогично.

Я всё же вылез из траншеи и пошел навстречу немцам, остановившись в двадцати метрах от них. За спиной слышались торопливые шаги — это капитан и офицеры с совещания спешили за мной.

С той стороны белый флаг держал немецкий офицер. Увидев нас, он поднял флаг выше и двинулся вперёд, а за ним шёл солдат в фуражке. На расстоянии двух-трёх метров они остановились. Солдат шагнул вперёд, отдал честь Пастухову и, запинаясь, на ломаном русском произнёс:

– Господин капитан, приветствую вас.

– Я не «господин», — холодно отрезал Пастухов, указывая на меня. — Вот наш командир.

Офицер растерянно посмотрел на него, а солдат, явно ошарашенный, всё же отдал мне честь и с почтением сказал:

– Госпожа лейтенант, приветствую вас.

Я поморщился. Неужели у немцев нет никого, кто нормально говорит по-русски? Его слова звучали как переводной ляп, от которого уши вянут.

– Что вам нужно? – спросил я без всякого выражения.

– Мы прибыли по приказу маршала фон Лееба, командующего группой армий «Север», чтобы обсудить с вами вопрос, – сказал немецкий офицер. Его русский был всё ещё корявым, но звучал уже привычнее. – Мы хотели бы собрать тела наших погибших солдат. Разрешите ли вы это?

Так вот оно что — хотят забрать тела павших. А я-то думал, они пришли сдаваться. Вчерашний бой унёс жизни не меньше пятисот немцев, разбросанных перед нашими позициями. Хоть и осень, но если не убрать трупы, начнётся гниение, а с ним и болезни. Мы уже собрали тела своих павших, и я ломал голову, что делать с немецкими. Раз они сами предлагают — пусть забирают.

– Хорошо, – ответил я без колебаний. – Можете начать с тел перед позициями, но ваши люди не должны пересекать нашу линию. Тела немецких солдат, оставшиеся на нашей территории, мы доставим сюда, а вы потом заберёте всё.

– Спасибо, – переводчик кивнул, повернулся к офицеру с белым флагом и затараторил на немецком. Они ещё раз отдали мне честь и направились к своему отряду.

– Товарищ лейтенант, – капитан дёрнул меня за рукав и тихо спросил: – Не стоило ли сначала доложить наверх и дождаться их разрешения?

– Не надо, – отмахнулся я. Слишком хорошо я знал, как русские любят тянуть с решениями. Пока все рапорты и запросы дойдут до начальства и вернётся ответ, немецкие трупы уже начнут разлагаться. Я — командир этой безымянной высоты, и здесь решаю я.

Хотя немцы пришли за телами и бой вряд ли возобновится, расслабляться нельзя. Нужно быть начеку. Я повернулся к капитану:

– Немедленно выдели взвод морпехов. Пусть выставят линию оцепления. Если хоть один немец переступит черту — стрелять без приказа.

– Есть! Сейчас организую, – с энтузиазмом откликнулся капитан и бросился выполнять.

Немецкий офицер, вернувшись к своим, начал размахивать белым флагом. Вскоре издалека, со стороны немецких позиций, показалась длинная вереница грузовиков, медленно приближавшаяся к нам.
